

STUDIA PHILOLOGICA

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

*А. Н. Баранов,
Д. О. Добровольский*

ОЧЕРКИ
ОБЩЕЙ И РУССКОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ

Издательский Дом ЯСК
Москва
2024

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-3
Б24

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Рецензенты:
д. ф. н. проф *Л. П. Крысин*,
д. ф. н. проф *М. Н. Михайлов*

Баранов А. Н., Добровольский Д. О.

Б24 Очерки общей и русской фразеологии. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. — 280 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-907498-62-4

В книге рассматриваются фундаментальные проблемы фразеологии: категория идиоматичности, специфика фразеологизмов как особой части лексикона, специфика семантики фразеологизмов, связь актуального значения фразеологизма с внутренней формой, морфологические и синтаксические особенности фразеологизмов. Обсуждается дискурсивное поведение идиом, их авторские характеристики, а также связь теории фразеологии с Грамматикой конструкций.

Среди частных вопросов в книге уделяется внимание отдельным классам фразеологизмов: идиомам, пословицам и фразеологизмам-конструкциям. Разбирается соотношение семантики идиом и жестов. В качестве теоретической основы используются положения современной лингвистической семантики, теоретической лексикографии, теории дискурса и корпусной лингвистики.

Монография адресована как специалистам по фразеологии, лексической семантике и лексикографии, так и студентам-филологам.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-3

*В оформлении переплета использована
картина Р. Магритта «Пламя»*

ISBN 978-5-907498-62-4

9 785907 498624 >

© А. Н. Баранов, 2024
© Д. О. Добровольский, 2024
© Издательский Дом ЯСК, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Значение фразеологизма и категория идиоматичности ..	9
Глава 2. Фразеологизм как единица лексикона	34
Глава 3. Внутренняя грамматика и синтаксис фразеологизмов ..	50
Глава 4. Категория числа в идиомах	58
Глава 5. Фразеологизмы и Грамматика конструкций	72
Глава 6. Образная составляющая в семантике идиомы.	92
Глава 7. Внутренняя форма и проблема мотивации актуального значения идиом	133
Глава 8. Жесты в семантике идиомы.	154
Глава 9. Идиома или пословица?	167
Глава 10. Фразеологизмы-конструкции и их семантика	175
Глава 11. Идиомы с моделью внутренней формы <i>ни X ни Y</i> и семантика неопределенности	197
Глава 12. Идиоматичность дублетных форм	210
Глава 13. Русские идиомы в дискурсе: фактор внутренней формы	233
Глава 14. Авторские особенности идиом в литературе XIX века	246
Заключение	258
Литература	259
Список сокращений	274
Предметный указатель	276

ВВЕДЕНИЕ

В каждой научной дисциплине в определенный момент времени оказываются актуальными те или иные направления исследований. Фразеология переживала несколько таких периодов. С 40-х по 60-е гг. XX в. внимание исследователей было привлечено к определению фразеологизма и выделению типов фразеологических единиц. В 70-е гг. на первый план вышла проблема варьирования фразеологизмов. В 80-х гг. (особенно в западных лингвистических традициях) центральной проблемой оказался когнитивный статус фразеологизмов как единиц лексикона: как обрабатываются фразеологизмы когнитивной системой — как единицы лексикона или как свободные словосочетания, каков вклад образа в семантику фразеологизма? В 90-е гг. в центр внимания попадают культурно обусловленные аспекты функционирования фразеологической системы.

В данной книге представлены наиболее актуальные проблемы описания фразеологической системы, которые обсуждаются во фразеологии последние несколько десятилетий.

Вечная проблема изучения фразеологии — идиоматичность и устойчивость фразеологических единиц. Виды идиоматичности рассматриваются нами в главе 1, а параметры устойчивости — в главе 2. Особый тип идиоматичности, порождаемый редупликацией, обсуждается в главе 12.

Одна из важнейших сфер исследования фразеологизмов — соотношение образа, лежащего в основе идиомы, и актуального значения. Такой дуализм фразеологических единиц — наличие образа и актуального значения — выделяет фразеологию в отдельную подсистему языка. В главах 6, 7, 8 и 11 обсуждаются как возможности семантического описания внутренней формы, так и ее влияние на актуальное значение. Как оказывается, внутренняя форма влияет не только

на актуальное значение, но и на дискурсивное поведение идиом. Этому аспекту функционирования идиоматики посвящена глава 13.

Существующие классификации фразеологизмов не дают четких критериев выделения отдельных классов фразеологических единиц. В главе 9 вводятся важные параметры разграничения пословиц и идиом со структурой предложения, а в главе 10 подробно разбирается класс фразеологизмов-конструкций, ранее не привлекавший внимания исследователей, а в главе 11 — одна из единиц этого класса — конструкция *ни X ни Y*, которая при определенном лексическом заполнении порождает идиомы. Еще один спорный класс фразеологизмов — авторские идиомы — подробно анализируется в главе 14 на материале художественных текстов XIX в.

Как известно, фразеология занимает промежуточное положение между грамматикой и словарем. С одной стороны, фразеологизмы нерегулярны. Следовательно, их экономнее представлять как единицы лексикона, а не порождать каждый раз по уникальным правилам, что обсуждается в главе 2. С другой стороны, фразеологические единицы неоднословны и им свойственна внутренняя грамматика. Синтаксические и морфологические характеристики идиом рассматриваются в главах 3 и 4.

Подчеркнем, что наличие внутренней формы и внутренней грамматики в совокупности обеспечивает уникальность фразеологии как особой подсистемы языка. Дуализм фразеологии и является основной темой данной книги.

ГЛАВА 1

ЗНАЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА И КАТЕГОРИЯ ИДИОМАТИЧНОСТИ

Постановка проблемы

Общепринятого определения идиомы, разделяемого лингвистами различных школ, не существует. Задача этой главы — сформулировать определение идиомы, основанное на относительно операциональных критериях, позволяющих с достаточной степенью надежности отделять идиомы от фразеологизмов других классов. В идеальном случае такое определение должно отвечать интуиции носителя языка или по крайней мере не противоречить ей¹.

Сфера идиоматики в разных теоретических концепциях задается по-разному. Тем не менее можно выделить общую часть большинства определений идиомы, которая сводится к трем основным идеям: **неоднословность**, **устойчивость** и **идиоматичность** [Гак 1977; Burger et al. 1982; Fleischer 1997; Burger 2015]. Поскольку вряд ли можно утверждать, что имеющиеся определения хорошо «работают» на всем множестве идиом, естественно задаться вопросом о том, что представляют собой входящие в определения категории. Однословность-неоднословность можно считать единственным относительно ясным и операциональным понятием, хотя и здесь возникают проблемы, связанные с наличием-отсутствием орфографической традиции, различием слов и словосочетаний, слов и предложений в данном морфологическом типе языка и т. п.² Существенно менее определенной оказывается

¹ О категориях идиомы и идиоматичности см. также [Баранов, Добровольский 2022].

² На статус выражения как словосочетания или отдельного слова оказывает существенное влияние и орфографическая традиция. Например, выражения

категория устойчивости — ср., например, [Мельчук 1960; 1968], — к которой мы еще вернемся в ходе дальнейшего изложения.

Наибольшие вопросы вызывает понятие идиоматичности. С наивной точки зрения выражения типа *Он говорит идиоматично*, *Его речь идиоматична*, как правило, не связываются с употреблением идиом. Обычно имеется в виду высокий уровень владения языком: говорящий не просто способен правильно выражать свои мысли, но и передавать их нетривиальным способом, используя не только конвенциональные, но и творческие метафоры, не вполне стандартные сочетания означающих и т. п. Идиоматичная речь требует знания таких правил речевого поведения, которые могут оказаться уникальными, применимыми только в данном типе ситуации общения. Иными словами, идиоматичность в общем случае означает осложненность способа выражения содержания — осложненность не в смысле максимального усложнения языковых форм как таковых, а «концентрированности» выражения и нетривиальности понимания. Идиоматичность речи часто приводит к большей синтаксической простоте при усложнении семантики и изменении стилистических характеристик отдельных компонентов высказывания. Ср. *В зале было настолько много людей, что не было ни одного свободного места* и *Зал был битком набит*; *Роман долго добивался от меня согласия на свои предложения, что вызвало у меня крайне отрицательную реакцию* и *Роман достал меня своими предложениями*.

Косвенные речевые акты более идиоматичны, чем обычные прямые, не в смысле синтаксической простоты и семантической усложненности, а в том смысле, что для их понимания требуются дополнительные мыслительные операции — отсюда нетривиальность понимания. Ср. *Закрой окно!* vs. *Что-то стало прохладно!*; *Вам пора уходить!* vs. *Уже поздно, а вам завтра на работу*. В случае использования косвенного речевого акта адресат должен проделать дополнительные операции для «вычисления» смысла речевого высказывания по сравнению с «прямым» речевым актом, в частности осознать, что

типа [друзья] *не разлей вода* согласно последним орфографическим веяниям пишутся вместе (*неразлейвода* [РОС]), что формально исключает их из сферы идиоматики. В ряде случаев влияние орфографической моды имеет смысл игнорировать, рассматривая соответствующие выражения в составе идиоматики. Интересно, что в немецком языке последняя орфографическая реформа привела к существенному увеличению количества фразеологизмов, поскольку многие слова, писавшиеся слитно, должны сейчас писаться раздельно. Еще более сложная ситуация в китайском языке, где категория слова и категория морфемы фактически совпадают, при этом класс фразеологизмов все равно выделяется.

за речевым высказыванием *Что-то стало прохладно!* стоит не описание ситуации, а просьба закрыть окно. Речевой акт *Уже поздно, а вам завтра на работу* выражает не заботу говорящего о собеседнике, а желание поскорее от него избавиться.

Идиоматичным будет также такой текст, который содержит значительную имплицитную информацию — пресуппозиции, следствия, имплицитные дискурсы, намеки, аллюзии и т. п. (об этих категориях см., например, [Падучева 1981]). Существенно усиливает идиоматичность в наивном понимании и наличие языковой игры. Иными словами, чем больше смысловых слоев в плане содержания текста, тем более он идиоматичен.

Несколько иное понимание идиоматичности представлено в [Апресян Ю. 1995], где идиоматичность связывается с выполнением сложившихся в данном языке норм «синтаксической, семантической и лексической сочетаемости» [Там же: 11]. Заметим, однако, что в этом случае происходит существенное расширение категории идиоматичности и ее практическое отождествление с категорией нормы. Среди названных Ю. Д. Апресяном факторов к идиоматичности в нашем понимании относится только выполнение «трудно мотивируемых норм» [Там же], в частности следование правилам лексической сочетаемости, не выводимым из значения (или не описываемым в терминах семантических классов), то есть не мотивируемым семантически. Иными словами, выражение *проливной дождь* идиоматично, а *сильный дождь* — нет, поскольку первому присущи уникальные ограничения, а второе порождается по регулярным правилам сочетания смыслов.

Понятно, что идиомы — это лишь одно из проявлений идиоматичности. Идиоматичность, будучи более общей категорией, лежащей в основе определения идиомы, требует специального рассмотрения. Заметим, что совпадение корней в терминах «идиома» и «идиоматичность» является чисто случайным, внешним фактором и никоим образом не создает порочного круга. В принципе вместо термина «идиома» можно использовать словосочетание «фразеологизм в узком смысле».

Категория идиоматичности и ее составляющие

Различных определений идиоматичности довольно много, и вряд ли имеет смысл их последовательно перечислять (см. подробное обсуждение имеющихся определений, например, в [Makkai 1978; Dobrovol'skij, Piirainen 2022]). Мы можем, однако, утверждать, что все они сводятся к трем базовым идеям (факторам) — **перинтерпретации**,

непрозрачности и усложнению способа указания на денотат. Дадим им свои определения.

- (i) **Переинтерпретация значения** ‘А’ выражения *A* как значения ‘В’ — это операция, приводящая к трансформации ‘А’ в ‘В’ по принципу **R**.

Иными словами, некоторое выражение, у которого есть прямое значение, понимается в переносном, причем переносное значение связано с прямым некоторым отношением, правилом. Чаще всего в этой функции выступают тропеические преобразования. Например, *нос* в высказывании *Он почесал нос* и *Он стоял на носу корабля* — это и есть выражение *A*, которое в первом случае интерпретируется как ‘А’, а во втором — как ‘В’. В качестве отношения **R** в этом случае выступает метафора. Из этого примера видно, что переинтерпретация как составляющая идиоматичности не ограничивается идиомами, а характеризует семантическую деривацию любого вида.

- (ii) **Непрозрачность выражения** *A* — это такое свойство этого выражения, которое препятствует «вычислению» значения ‘А’ из-за отсутствия правила, позволяющего выявить значение ‘А’, или из-за отсутствия одного или нескольких компонентов выражения *A* в словаре³.

Здесь имеются в виду два класса случаев: 1) переинтерпретации, которые невозможно восстановить на синхронном уровне без обращения к этимологии (ср. *дуба дать* в значении ‘умереть’), и 2) наличие в выражении уникальных компонентов, значение которых на синхронном уровне не восстанавливается носителем языка (слово *баклуши* в идиоме *бить баклуши*; *охулки* в выражении *охулки на руку не класть*). Часто эти случаи совмещаются, ср. выражение *до морковкиных заговен*, в котором форма *морковкиных* переинтерпретирована так, что это непонятно современному носителю русского языка, а форма *заговен* — уникальна. Именно поэтому рассматриваемые случаи естественно объединить в одной категории.

- (iii) **Усложнение способа указания на денотат** — это процесс, приводящий к появлению выражения, которое существует в языке наряду с более простым и стандартным наименованием той же сущности.

³ Под словарем здесь подразумевается категория, противопоставленная грамматике, а не конкретный лексикографический источник.

В обычном случае в языке действует принцип иконичности, согласно которому более сложное по форме выражение и семантически устроено более сложно (см. обсуждение проблем иконичности в контексте когнитивной теории метафоры в [Лакофф, Джонсон 2008: 158 и далее]). Ср., например, *опоздать vs. прийти к шапочному разбору*; *обманывать vs. вешать лапшу на уши*; *Москва vs. Третий Рим*; *Америка vs. Новый Свет*.

Таким образом, выражение *пускать козла в огород* идиоматично по основанию (i) — принципом **R** в данном случае оказывается механизм метафоризации: ситуация неоправданного и неразумного допуска к ресурсу некоторого лица «кодируется» с помощью метафоры козел в огороде. Выражение *ничтоже сумняшеся* идиоматично по основанию (ii)⁴. Дело в том, что в современном русском языке отсутствуют как самостоятельные слова лексемы *ничтоже* и *сумняшеся*. Таким образом, это выражение идиоматично из-за отсутствия его компонентов в словаре (лексиконе языка). В случае идиом *выписывать мыслете* или *точить лясы* непрозрачность связана с «несловарностью», соответственно, одного из компонентов: *мыслете* и *лясы*.

С другой стороны, фразеологизм *наговорить сорок бочек [арестантов]* (кому-л.) не обнаруживает уникальных компонентов. Тем не менее он идиоматичен из-за своей непрозрачности (по основанию ii), поскольку в современном языке невозможно вычислить значение этой идиомы по ее отдельным компонентам: нет правила, позволяющего расшифровать непонятную метафору, которая, видимо, когда-то была мотивирована.

Свойство непрозрачности прямо связано со знаниями адресата — как индивидуальными, так и общими для языкового социума. Только второй тип знаний существенен для дальнейших рассуждений⁵. Непрозрачность, как следует из определения, может быть обусловлена двумя совершенно различными факторами. С одной стороны,

⁴ На самом деле ситуация несколько более сложна: выражения, которым свойственна переинтерпретация, могут обладать и определенной долей непрозрачности (см. ниже).

⁵ Термин «непрозрачность» в ином значении используется в логической семантике в связи с невозможностью определения истинностного значения некоторых пропозициональных компонентов высказывания [Quine 1976]. Аналогия с используемым здесь употреблением несомненно есть, однако в нашем случае бессмысленно говорить об истинностном значении. Аналогия, скорее, касается невозможности выявления каких-то семантических свойств компонентов языкового выражения.

речь идет о том, что вывод значения целого из значения его составляющих по стандартным правилам семантической сочетаемости затруднен, а с другой стороны — об отсутствии в словаре информации о значении одного или нескольких компонентов соответствующего выражения.

Можно сказать, что переинтерпретация — это взгляд на идиоматическое выражение с точки зрения его порождения, а непрозрачность — с точки зрения его понимания. Именно поэтому они в ряде случаев пересекаются. Разумеется, речь идет о выражениях типа *дать дуба*, а не об идиомах типа *ничтоже сумняшеся*, которые изначально не имели ничего общего с категорией переинтерпретации, поскольку представляют собой устаревшие грамматические формы слов, употребленных в прямом значении.

Что касается третьего фактора идиоматичности — усложнения способа указания на денотат, — то он также может реализоваться как сам по себе, так и в сочетании с другими факторами. Идиома *иметь место быть* идиоматична лишь по этому основанию (см. подробнее ниже), поскольку имеются два более простых и стандартных способа высказать ту же самую мысль: *иметь место* или *быть*. А идиомы *арапа заправлять* и *забивать баки*, являясь несомненно более сложным способом указания на денотат (ср. *лгать*, *обманывать*), одновременно семантически переинтерпретированы и непрозрачны. Усложнение не всегда следует принципу иконичности: содержательно более сложным может оказаться и однословное по сравнению с двухсловным. Так, выражение *знак запрета* семантически проще, чем слово *кирпич* (в соответствующем значении), поскольку в последнем явно присутствует внутренняя форма.

Еще раз подчеркнем, что выделенные факторы идиоматичности характеризуют не только фразеологию, но и язык в целом, то есть и другие типы выражений естественного языка. Так, большинство живых метафор усложнены и переинтерпретированы; ср. метафору *голова раскалывается* и неметафорическое выражение *голова болит* или нейтральное выражение *противоречия в законодательстве* и его метафорический коррелят *война законов*. Что касается фактора непрозрачности, то и его действие, естественно, не ограничивается сферой фразеологии. Многие стертые метафоры, стоящие за лексическими значениями, непрозрачны и в этом смысле идиоматичны, ср. *рехнуться* (в смысле ‘потерять рассудок’), *перекинуться* (в смысле ‘умереть’).

Рассмотрим последовательно виды переинтерпретации, непрозрачности и усложнения.

Категория переинтерпретации

Переинтерпретация в точном смысле возникает в тех случаях, когда значение выражения полностью переосмысляется и заменяет прежнее. Понятно, что изменение интенционала влечет изменение множества ситуаций, которые может обозначать переосмысленное выражение (его экстенционал).

Типичный случай переинтерпретации такого рода — идиома *железный занавес*, которая в публицистике используется в значении ‘изоляция СССР (или стран Варшавского договора) от остального мира с целью недопущения внешнего идеологического, политического, экономического и культурного воздействия на ее граждан’⁶. Эта идиома возникла в результате переосмысления терминологического словосочетания *железный занавес*, относящегося к сфере театра. В театре — это сделанное из металла приспособление, используемое для защиты от пожара. Иными словами, выражение *железный занавес* в значении ‘противопожарное устройство’ было переосмыслено в другом значении — в смысле политической и культурной изоляции. Существенно, что буквальному значению переосмысленного выражения соответствует реальный денотат (экстенционал).

К типу собственно переинтерпретаций относятся, в частности, идиомы *под дулом автомата*, *верхушка айсберга*, *открыть Америку*, *окончен бал*, *банка с пауками*, *перевернуть вверх дном (что-л.)*, *вылить ведро помоев (на кого-л.)*, *охота на ведьм*, *лакмусовая бумажка*, *ходить на задних лапках (перед кем-л.)*, *брать быка за рога*; англ. *to throw in the towel/sponge* ‘капитулировать, отказаться от дальнейшей борьбы, усилий и т. п.’, [*to be caught*] *between a rock and a hard place* (ср. рус. *между двух огней*, *между молотом и наковальней*), *to have cold feet* ‘испытывать сильный страх, бояться’; нем. *auf eigenen Beinen stehen* (ср. рус. *крепко стоять на ногах*), (*jmdm.*) *platzt der Kragen* (ср. рус. *(что-л.) терпение лопнуло*), *sich in die Haare geraten* ‘ругаться’, (*jmdn.*) *aufs Kreuz legen* (ср. рус. *положить на лопатки (кого-л.)*), (*jmdn.*) *hinters Licht führen* ‘обманывать’, [*sich*] *kein Blatt vor den Mund nehmen* (ср. рус. *резать правду-матку*), *den Nagel auf den Kopf treffen* (ср. рус. *попасть в точку*). Если говорить о сфере лексики в целом, то к этому типу идиоматичности относится

⁶ Данная идиома представляет собой кальку устойчивого выражения, использовавшегося в разное время в политическом дискурсе многих европейских языков. В советском политическом языке оно связывается с известной Фултонской речью У. Черчилля.

широкий класс употреблений слов в непрямых значениях, в частности метафоры, метонимии и пр.

Интенциональная переинтерпретация. В отличие от предшествующего случая, при интенциональной переинтерпретации экстенционал исходного выражения отсутствует. Иными словами, переосмысляемое выражение не обозначает никакой ситуации в реальном мире. Примером такого рода является идиома *буря в стакане воды* ‘ситуация, в которой одно или несколько лиц выражают недовольство чем-л. значимым с их точки зрения; последнее оценивается говорящим с позиций более общего взгляда на мир как малозначимое’. Экстенционал выражения *буря в стакане воды* в буквальном прочтении отсутствует, поскольку слово *буря* в прямом значении не сочетается с именами малых объемов и пространств. К этому классу переинтерпретаций относятся также выражения типа *сушить мозги, глаз-алмаз, показать небо в алмазах кому-л., ходячий анекдот, кровавая баня, лезть в бутылку*; англ. *to send someone away with a flea in his/her ear*; нем. *Haare auf den Zähnen haben, die Beine in die Hand nehmen, Bauklötze staunen, (jmdm.) einen Bären aufbinden; lügen, dass sich die Balken biegen*. Для идиомы *лезть в бутылку* можно было бы считать экстенционалом ситуации типа *Муравей залез в бутылку*, однако в этом случае изменяется размерность, обычно соотносимая в естественном языке с человеческим телом (ср. многочисленные работы по антропоцентризму языковой семантики — *human sized semantics, bodily based experience*).

На грани интенциональной переинтерпретации находятся случаи, когда интенционал без знаний этимологии оказывается непрозрачным, ср. *заливать/забивать баки: И мне, конечно, обидно за честных коммунистов, особенно людей пожилого возраста, которым забивают баки* [Корпус Публ.]; — *Ты же ведь чердачник, Копченый, а не мокрушник, поэтому, пока не поздно, колись — где взял золотой браслет? И если ты надумаешь мне забивать баки, то про наш предстоящий разговор я тебе все объяснил...* [Братья Вайнеры. Эра милосердия]. Во всех этих примерах «буквальное» значение затемнено. Тем самым можно говорить о комбинации переинтерпретации и непрозрачности — этих двух аспектов идиоматичности (см. ниже).

Покомпонентная переинтерпретация. Под покомпонентной переинтерпретацией понимается способ образования идиом, который не предполагает тропеического переноса значения некоторого словосочетания, а «собирает» идиому из отдельных переинтерпретируемых